

Slavery in Dutch Guiana and the Dutch Colonial Ethos

Andrey A. Boltaevskiy (a) & Stanislav A. Agureev (b)

(a) Russian University of Cooperation. Moscow, Russia. Email: boltaev83[at]mail.ru

(b) Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Moscow, Russia. Email: stas.agureev[at]mail.ru

Received: 1 May 2021 | Revised: 09 October 2021 | Accepted: 25 October 2021

Abstract

The subject of this article is the economic system that has developed in the Netherlands Guiana, based on forced slave labor. The degree of cruelty of this system over the past centuries has been mythologized by both contemporaries of the events and later researchers. Today in Netherlands, at the highest official level, the era of colonial slavery has been condemned but at the same time it was recognized as a part of national history, which is largely due to the influential Caribbean community. However, the attitude towards this topic in society remains extremely polarized, becoming the subject of manipulation by populist and nationalist forces.

The work is based on a wide range of foreign sources and research; the methodological basis includes the historical, genetic and comparative methods. The scientific novelty of the article is connected with the poor study of the topic in domestic science. A comparative study of the situation of slaves in the Western Hemisphere has shown that toughness was not unique to the Dutch colonial ethos. The high mortality and hardships of slaves in the Netherlands Guiana and the Caribbean are due to the specifics of sugar plantations, and not to a greater degree of racism compared to Iberoamerica. The author draws attention to the gradual progressive evolution of all slavery regimes on the American continent.

Keywords

Colonialism; Slavery; Neocolonialism; Netherlands Guiana; Suriname; Brutality; Lawlessness; Western Hemisphere; Segregation; Evolution

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Рабовладение в Нидерландской Гвиане и голландский колониальный этос

Болтаевский Андрей Андреевич (а), Агуреев Станислав Александрович (б)

(а) Российский университет кооперации. Москва, Россия. Email: [boltaev83\[at\]mail.ru](mailto:boltaev83[at]mail.ru)

(б) Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России. Москва, Россия.
Email: [stas.agureev\[at\]mail.ru](mailto:stas.agureev[at]mail.ru)

Рукопись получена: 1 мая 2021 | Пересмотрена: 9 октября 2021 | Принята: 25 октября 2021

Аннотация

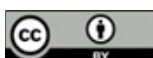
Предметом исследования статьи является сложившаяся в Нидерландской Гвиане система хозяйствования, основанная на принудительном рабском труде. Степень жестокости данной системы за последние столетия оказалась мифологизирована как современниками событий, так и позднейшими исследователями. Сегодня в Нидерландах эпоха колониального рабства была осуждена на высшем уровне, но одновременно признана частью национальной истории, что во многом стало заслугой влиятельной карибской общины. Однако отношение к данной теме в обществе остается крайне поляризованным, становясь предметом манипуляции со стороны популистских и националистических сил.

Работа основана на широком круге зарубежных источников и исследований; методологической базой выступают историко-генетический и сравнительный методы. Научная новизна статьи вызвана слабой изученностью данной темы в отечественной науке. Сравнительное изучение положения рабов в Западном полушарии показало, что жесткость была свойственна не только голландскому колониальному этосу. Высокая смертность и тяготы жизни рабов в Нидерландской Гвиане и Карибском регионе обусловлены спецификой сахарных плантаций, а не более высокой степенью расизма по сравнению с Ибероамерикой. Автор обращает внимание на постепенную прогрессивную эволюцию всех режимов рабовладения на Американском континенте.

Ключевые слова

колониализм; рабовладение; неоколониализм; Нидерландская Гвиана; Суринам; жестокость; бесправие; Западное полушарие; сегрегация; эволюция

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Изучение коммеморативных практик колониального и постколониального прошлого является сегодня крайне актуальным для голландского общества, которое долгое время в своей массе было лучше знакомо с североамериканским рабством, в том числе по «Хижине дяди Тома». В настоящее время в Нидерландах колониальное прошлое осуждено на высшем государственном уровне: на Всемирной конференции против расизма в Дурбане в 2001 г. голландский представитель принес извинения от имени народа Нидерландов за эпоху рабовладения и работорговли. Помимо прочего успех в признании рабства частью национальной истории Нидерландов обуславливается сильным лобби со стороны влиятельной карибской общины (только за 1974 г. в Голландию переселилось около 20 тыс. выходцев из Суринама (ГАРФ, д. 16167, л. 15)).

Однако и сегодня в стране тюльпанов тема колониального прошлого остается крайне поляризованной: идут споры о том, возможны ли выплаты каких-либо компенсаций потомкам рабов. В то же время данная тема является практически неизвестной российскому читателю, что определяет ее актуальность (отметим только перевод работы нидерландского историка (Остинди, 2016)).

История голландского колониализма в Западном полушарии неотделима от рабовладения, тем более что именно голландцы, сформировавшиеся в XVII в. преимущественно как торговая нация, были заинтересованы получать главные дивиденды от работорговли. Ярким примером рабовладельческого плантационного хозяйства в Южной Америке стала Нидерландская Гвиана, которая фактически до конца XVIII в., а юридически до 1814 г. включала в себя не только современный Суринам, но и колонии Бербис, Демерара, Эссекибо, являющиеся сегодня частью Гайаны. Колонии отличались формой управления: Демерара и Эссекибо управлялись Голландской Вест-Индской компанией (ГВИК), обладавшей правом на монопольную торговлю с ними. В Бербисе и Суринаме действовали акционерные общества, в которых ГВИК была лишь одним из акционеров, а вести торговлю с данными колониями могли все граждане Республики.

Историография

Несмотря на наличие значительного числа представителей других европейских народов, а также евреев, в целом изучение Нидерландской Гвианы позволяет проследить как особенности голландского колониального этоса, так и отношение голландцев к рабам и рабовладению. Степень жестокости голландского рабовладения стремились показать как современники, так и поздние исследователи. Британские рабовладельцы на Карибах признавались:

«Если пригрозить негру, что продашь его голландцу, – он испытает настоящий страх» (Найпол, 2008, с. 203).

Об ужасающем положении рабов в Нидерландской Гвиане были в достаточной мере осведомлены уже европейцы XVIII в. Во многом такой образ страны, известия из которой доходили до Старого Света с опозданием на 3-4 месяца, нарисовали несколько авторов: Афра Бен, Вольтер и Д. Г. Стедман. Первая англичанка, для которой сочинительство стало профессией, Афра Бен, в 1663–1664 г. побывала с неясной миссией в на тот момент еще британском Суринаме (шпионаж?), где познакомилась с африканским вождем:

«Я была очевидною свидетельницей большей части тех происшествий, о которых теперь повествовать буду». (Бен, 1796, с. 21].

Именно эта встреча привело к созданию ее самого известного романа «Оруноко», где описана история попавших в рабство африканского принца и его возлюбленной. Знаменитый Вольтер в своем самом популярном романе «Кандид, или Оптимизм» вложил в уста суринамского раба следующее признание: «Если на сахароварне у негра попадает палец в жернов, ему отрезают всю руку; если он вздумает убежать, ему отрубают ногу [...] Вот цена, которую мы платим за то, чтобы у вас в Европе был сахар» (Вольтер, 2018, с. 119–120].

Однако наибольшее впечатление на умы европейцев Эпохи Просвещения произвела книга капитана Д.Г. Стедмана «Повествование о пятилетней экспедиции против восставших негров Суринама», которая за короткий срок была переведена на французский, голландский, немецкий и другие языки (например, в Швеции в качестве переводчика выступил ученик Карла Линнея). Несмотря на то, что объемное сочинение Стедмана не переведено на русский язык, отечественный читатель мог получить заочное знакомство с ним по цитированию в работах советских и зарубежных авторов (Согрина, 1967, с. 105, 108, 109) (Шегрен, 1967, с. 135).

Искатель приключений, шотландец по происхождению (однако не являвшийся сторонником якобитов (The journal of John Gabriel Stedman, 1962, p. VI)), Стедман добровольцем находился в Суринаме в 1773–1777 гг. в составе бригады полковника Л. Фуржо, перед которой была поставлена задача подавить сопротивление беглых рабов. Стедман подробно рассказывает не только об удивительной природе далекой страны, но и о положении рабов. «Если негр не мог больше работать, его, конечно, не пристреливали, как старую лошадь или собаку. Но зато имелись другие эффективные способы прикончить его, не совершая прямого убийства. На открытой поляне на самом пекле устанавливался столб, к которому приковывали такого раба. В день ему выдавали только кружку воды и один пизанг [разновидность банана – авторы]. Таким образом, несчастный умирал медленной и мучительной смертью. Но в Суринаме это называлось не дать умереть с голоду!»

Стедман был буквально шокирован тем, как десятилетний сын плантатора ударил рабыню только за то, что она коснулась его парика. В конечном итоге он заявил, что «из европейцев и африканцев, проживающих в этой стране, первые являются большими варварами» (Stedman, 1799, p. 145). Однако еще больший резонанс вызвали сопровождавшие труд Стедмана гравюры, на которых были показаны не только живописное буйство флоры и фауны Суринама, но и издевательства над рабами (в Музее книги Российской государственной библиотеки имеется следующее собрание гравюр (Stedman, 1798). Новый интерес к текстам Стедмана возникает уже в 1960 г., в период возобновления дискуссий о рабовладении и положении рабов в Западном полушарии.

Разумеется, голландские авторы и художники XVIII в. стремятся создать положительное впечатление о заморской колонии (это было характерно и для соседней Французской Гвианы – Кайенны). И Я. Херлейн (автор изданной в 1718 г. первой работы на голландском языке о Суринаме) и Т. Писториус (его труд «Краткое и точное описание колонии Суринам» вышел в свет в 1763 г.) показывают скорее натюрморты и пейзажи страны, нежели тяжелый и опасный труд рабов (Sutton, 2014).

В свою очередь, сохранившиеся документы раскрывают скорее финансово-организационную работу плантаций, нежели повседневную жизнь плантаторов и рабов (Emmer, 1991). Голландский работороговец Виллем Босман цинично утверждал: «Я не сомневаюсь, что эта торговля кажется вам варварской, но поскольку за ней стоит необходимость, она должна продолжаться. Но мы все же заботимся, чтобы рабы не умерли раньше времени, особенно женщины, которые слабее мужчин» (Postma, 1990, p. 7). Представляет интерес мнение голландского губернатора Я.Я. Маврикиуса, изложенное им на страницах своих заметок. Не отрицая сам институт рабства, он выступал против чрезмерного наказания, в том числе против происходившей вопреки запретам практике разлучения невольничьих семей.

Основные беды колонии Маврикиус видел в наводнивших ее отщепенцах из Европы. Здесь мы можем только согласиться с голландским губернатором: действительно, заокеанские колонии всегда привлекали различных авантюристов и искателей приключений, а зачастую и людей с криминальным прошлым. О нравах Нового Света наглядно говорит тот факт, что в середине XIX в. в столице Британской Гвианы Джорджтауне (бывший голландский Стабрук) 30 % смертей были вызваны алкоголизмом (Rodway, 1912).

Что касается голландской прессы, то в большинстве случаев она размещала лишь краткие сообщения о положении за океаном. Серьезным исключением стало первое крупное восстание рабов в Бербисе (февраль 1763 г.), о котором спустя четыре месяца первыми проинформировали читателей амстердамские «Куранты».

Проведенный голландской исследовательницей Эстер Баакман анализ свидетельствует, что республиканская пресса показывала восстание как неза-

конное и жестокое, обращая внимание скорее на бедственное положение колонистов, нежели мятежных невольников. В отличие от соседней Британии общественное мнение Нидерландов еще не было готово в тот момент к дискуссиям вокруг института рабства (Baakman, 2018).

Голландский аболиционизм начал свое формирование только в самом конце XVIII в.: предположительно первой печатной работой, выступающей за отмену рабства, было сочинение Корнеулиса Спенсера. Однако будучи изданным в 1779 г. на латыни, оно вряд ли могло получить обширную читательскую аудиторию. Более заметное влияние аболиционистское движение получило уже в рамках Батавской республики на фоне восстания рабов в Кюрасао 1795 г., но не получило такого размаха, как в Англии или во Франции.

Как уже говорилось, именно сочинения Афры Бен, Вольтера и Стедмана создали в европейском общественном мнении образ жестокого положения рабов в Нидерландской Гвиане, на который вольно или невольно опирались последующие авторы. Британский исследователь Г. Джонстон (1910) и американский социолог Ф. Танненбаум (1947) указывали именно на голландцев, как на **создателей** самой строгой системы рабовладения в Западном полушарии (Johnston, 1910, p. 110-128) (Tannenbaum, 1947, p. 65]. При этом оба **ученых** подчеркивали положительное влияние римско-католической церкви на институт рабства в противоположность протестантским странам, где к рабам относились с намного большей жестокостью (голландский генеральный комиссар ван ден Бош в 1827 г. полагал, что возможность улучшить поведение суринамских негров религиозным образованием упущена). В то же время примечательно, что Танненбаум в своей работе нигде специально не рассматривает положение рабов в Суринаме, по существу повторяя мнение Джонсона.

Вышедшая в Амстердаме в 1934 г. книга А. де Кома «Мы, рабы Суринама» поразила современников антиколониальным протестом. Сын бывшего суринамского раба, казненный нацистами в апреле 1945 г. в лагере Нойенгамме за участие в голландском движении сопротивления, стремился показать соотечественникам прошлое своей страны в то время, когда дети креолов изучали на уроках истории подвиги де Рюйтера и Тромпа. Де Ком показывает историю страданий и скорби креольского народа, однако его труд являлся по форме не научным, а просветительским и даже агитационным, воплощавшим стремление автора к свободе и независимости Суринама.

Неслучайно во второй половине XX в. на авторитет Кома пытались опереться как Симон Санчес¹, так и главный политический долгожитель Сури-

---

1 Яркий представитель креольского национализма, Симон Санчес в составе группы из 80 человек в декабре 1947 г. предпринял попытку государственного переворота в Суринаме. Санчес выступал как против голландского правительства, так и против быстро растущей общины индопакистанцев: «Помните, что будущее за нами, рабами... Мы будем бороться за свое существование до последней капли крови... Индусы попытаются получить нашу землю себе, мы должны опередить их... До тех пор, пока в Суринаме не прольется кровь, никаких изменений не будет».

нама Дези Боутерсе, в 2015 г. переизбранный президентом страны. Мнение о суровости голландской рабовладельческой системы сохраняется и сегодня (Hyles, 2014, p. 76-77). Соответствуют ли эти высказывания и размышления действительности? Ведь тот же Вольтер известен своей гиперболизацией и склонностью к гротеску.

А вот его соотечественник, Филипп Фермин, в отличие от Вольтера лично побывавший в Суринаме, указывал, что руку в сахароварне рабам отрубали для того, чтобы спасти жизнь: столь велика была сила тяги в гидравлических механизмах (для этой цели были заготовлены острые мачете). Выше упомянутый Джонстон признавался: «Фактически в Нидерландской Гвиане в XVIII в., как в Южной Каролине, Джорджии и Теннесси в XIX в. [выделено авторами статьи], рабы в отчаянии прибегали к самоубийству, чтобы избежать невыносимых пыток. Они прыгали в кипящие котлы с сахаром, принимали яд или бросались с высоты» (Johnston, 1910, p. 120).

Таким образом, уже сам Джонстон сравнивает положение голландских рабов с рабами в Соединенных Штатах, при этом тактично уходя от объяснения того факта, что спустя столетие уровень жестокости в США не уступал Нидерландской Гвиане.

Географические и исторические условия

«Остров Гвиана», как иногда именуют его исследователи, представляет свой огромный занятый джунглями и саваннами регион между Амазонкой и Ориноко. Зачастую переход от непроходимых джунглей к покрытой травой равнине был столь же резким, как граница моря и суши у обрывов утесов: «Выйдя из девственного леса, перепутанного лианами и разными растительными паразитами, вдруг попадаешь в море травы, где взор свободно охватывает огромный горизонт до отдаленных очертаний гор» (Реклю, 1896, с. 24).

Климатические условия Гвианы были сложными и непривычными для европейцев. Голландский исследователь признавался: «Непросто вынести тропический климат со средними температурами 25 градусов в самый холодный месяц января и 29 градусов в самый жаркий месяц октября» (Meiden, 1986, p. 15).

Открытие Гвианы европейцами состоялось на рубеже XV – XVI вв.: Алонсо де Охеда в 1499 г., Висенте Пинсон в 1500 г. Существует мнение о том, что в 1530 г. Педро де Акоста пытался основать поселение в районе современного Парамарибо, а в 1568 г. Гаспар де Сотелль обосновался со 126 семьями в Кайенне (Harris, 1928, p. 4-5]. Достоверно известно только то, что устье Ориноко и побережье Гвианы были в достаточной мере известны испанцам, однако У. Рэли в 1595 г. не обнаружил в этой стране испанских поселений. Воспользовавшись этим, голландцы, французы, англичане основали несколько

опорных пунктов на побережье, которые периодически подвергались нападениям местных индейцев.

К 1630 г. голландские опорные пункты, первоначально занимавшиеся меновой торговлей с индейцами, появились на реках Бербис и Демерара (попытки обосноваться в Демераре голландцы предпринимали с 1581 г.); в 1652 г. экспедиция барбадосского губернатора лорда Ф. Уиллогби основала колонию на реке Суринам. Именно британцы заложили развитую систему плантаций, которые переняли у них получившие эту территорию по Бредскому миру 1667 г. голландцы (к этому времени в Суринаме действовало от 40 до 50 плантаций, на которых трудились привезенные с Барбадоса африканские рабы).

Именно плантации, на которых использовался труд рабов, способствовали первоначальному накоплению капитала, с помощью которого была создана экономика современного Запада. К. Маркс справедливо писал: «Прямое рабство является такой же основой нашей современной промышленности, как машины, кредит и т.д. Без рабства нет хлопка, без хлопка нет современной промышленности. Рабство придало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, а мировая торговля — необходимое условие крупной машинной промышленности» (Маркс, 1961, с. 408) (примечательно, что здесь же К. Маркс наряду с рабами Бразилии и южных штатов США говорит о невольниках Суринама).

Несмотря на первые трудности (после перехода колонии под контроль Нидерландов начался настоящий исход англичан, продолжавшийся до 1680 г.: так, например, в 1671 г. Суринам оставили 105 семейств, общей численностью 517 человек, в 1675 г. страну покинули 250 европейцев и около 1 тыс. рабов и т.д. (Meiden, 1986, p. 28), трудолюбивые голландцы очень скоро смогли наладить прибыльное плантационное хозяйство, основанное на производстве сахара, табака, кофе, какао. Об успехах экономического развития колонии свидетельствуют цифры: так, экспорт кофе из Суринама в Амстердам всего за несколько лет — с 1740 по 1746 г. — увеличился в 7 раз (Voort, 1973, p. 31). К 1770-м гг. Суринам считался самой богатой колонией Голландии, выгодно отличавшейся от «американских колоний других держав обилием и качеством поставляемой продукции» (Nystrom, 1943, p. 20).

Значительно менее выигрышной была ситуация в соседних Бербисе, Демераре и Эссекибо, развитие которых замедлялось нехваткой инвестиций: положение постепенно начало меняться с проникновением британского капитала в середине XVIII в. Уже в 1760 г. большинство плантаций в Демераре принадлежало англичанам, предпочитавшим, впрочем, жить в гораздо более комфортабельных условиях на Барбадосе. Большую роль в жизни колоний играли водные ресурсы: неслучайно все голландские колонии были созданы вдоль рек, которые использовались как в качестве коммуникаций, так и для хозяйственно-бытовых целей.

Географические условия прибрежных низменностей (опасность наводнений) и угроза набегов пиратов обусловили размещение плантаций не ближе 30 км от побережья. Располагавшиеся в небольшом радиусе, плантации были словно бусы, нанизанные на бечевку, а далее начинались джунгли и саванны, населенные дружелюбными индейцами. Численность белых поселенцев долгое время была крайне небольшой, что на фоне серьезных доходов позволяло обеспечивать высокий уровень жизни. Не вызывает удивления, что современники описывали Суринам как страну, где «текут мед и молоко». В то же время для выращивания сахарного тростника требовались крупные земельные владения (что-то, а свободной земли в Нидерландской Гвиане было достаточно) и огромное количество работников. Попытки использовать индейцев в качестве рабочей силы на плантациях не увенчались успехом, как из-за низкой трудоспособности, так и по причине высокой смертности. Кроме того, колонии периодически подвергались нападениям местных жителей.

В 1672 г. в Бербисе индейцы подожгли торговую факторию на реке Канье (р. 293), в 1687 г. индейцы убивали «христиан» (белых) и грабили плантации. В результате на законодательном уровне было запрещено обращать местных карибов и араваков в рабов (в этом принципиальное отличие голландских колонизаторов от испанских и португальских), а в качестве альтернативы дармовой рабочей силы выступили массово ввозимые африканские негры.

В течение XVIII в. индейцы стали союзниками голландцев и привлекались в Бербисе и, в меньшей степени, в Суринаме к поискам беглых рабов (Hartsinck, 1770, р. 188), где в качестве доказательства для получения вознаграждения колонизаторам предъявлялись отрубленные руки. Здесь, как и в целом ряде других случаев, характерна проводимая европейцами политика «разделяй и властвуй».

Другим ярким примером являлось стремление англичан привлечь марунов на Ямайке к охоте за беглыми рабами. Союзнические отношения между индейцами и голландцами не помешали последним презрительно именовать туземцев *bocks* («козлы»).

Рабовладельческая система

Как и в других странах Нового Света, голландцы в короткие сроки перешли к использованию на плантациях труда африканских невольников.

Укажем на характерные черты созданной ими системы: 1) покупка рабов из разных африканских регионов, ради уменьшения возможности мятежей (это не помешало формированию пиджина, из которого в ходе глоттогенеза возникает суринамский язык, или сранантонго); 2) сохранение имеющих семей, что должно было способствовать трудовой мотивации; 3) запрет на деятельность религиозных миссионеров, и в связи с этим незначительное число христианизированных рабов. Голландские издания содержат богатый

материал относительно побегов рабов, которые не боялись незнакомой местности и с успехом пользовались географическими условиями (джунгли), в отличие от вест-индских островов не ограниченными морскими **просторами**. Нападения французских корсаров (1686, 1708, 1712-1714) приводили к массовым побегам рабов. В результате образовалась социально-этническая группа лесных негров (маронов), которой удалось сохранить африканскую культуру. К середине XVIII в. угроза нападений маронов или восстаний рабов стала частью повседневной жизни плантаторов. В 1757 г. мятеж на реке Темпати-крик охватил уже несколько плантаций (поводом к нему послужило желание владельца перевести рабов с лесной на сахарную плантацию: работа на лесных угодьях традиционно считалась менее напряженной). Положение осложнялось малым количеством европейских поселенцев: в Бербисе в 1762 г. проживало 346 белых и свыше 3, 8 тыс. негров-рабов (см. таблицу 1 с данными по Суринаму).

годы	рабы	белые	мароны	плантации
1684	3 332	652	нет данных	нет данных
1730	18 190	1 085	нет данных	нет данных
1735	22 196	1 266	нет данных	400
1754	33 243	1 441	нет данных	нет данных
1786	50 000	3 350	7 000	500
1830	53 000	8 500	нет данных	451
1863	33 600	16 500	8 000	162

Таблица 1. Население Суринама (Linden, 2015, p. 467)

Голландским колонизаторам в ряде случаев пришлось пойти на уступки маронам: в Суринаме, так же как на Ямайке и в Бразилии, с ними были заключены соглашения, признававшие их статус свободных за некоторыми ограничениями. Согласно договору 1761 г., мароны не могли селиться в пределах расстояния в два дня пути до плантаций (Groot, 1963, p. 11). В своих поселках мароны занимались земледелием, а главным источником доходов являлась рубка леса. Однако различные соглашения с маронами скорее способствовали новым побегам рабов, нежели им препятствовали. Кроме того, несмотря на различные соглашения, мароны периодически совершали набеги на поселения европейцев даже в первой трети XIX в.: в 1821 г. в ходе нападения на Парамарибо было сожжено до 400 домов (Hyles, 2014, p. 184).

История восстаний невольников в Гвиане знает два самых крупных: в 1763 г. в Бербисе, где в мятеже приняло участие $\frac{3}{4}$ местных рабов, и в 1823 г. в уже ставшей британской Демераре (Восстание Восточного побережья). В Демераре число восставших рабов колебалось в районе 11-12 тыс., что позво-

ляет считать это выступление одним из самых мощных во всем Западном полушарии наряду с Гаити 1791 г. и Ямайкой 1831 г.

Однако стихийность и неорганизованность, вера в «честное слово» колонизаторов, внутренние противоречия (между креолами и африканцами), жестокость друг к другу, сексуальная эксплуатация женщин, содействие индейцев позволили колонизаторам подавить выступления.

Что касается непосредственного положения рабов, то необходимо разделить их на городских и плантационных, из которых на полевых работах были заняты не более 50 %. Домашние рабы, как, впрочем, и во всех подобных случаях, составляли своеобразную элиту в рабовладельческой иерархии, выступая помимо прочего и в качестве доносчиков о поведении и замыслах полевых рабов.

Вплоть до середины XVIII в. в Нидерландской Гвиане фактически отсутствовали какие-либо нормы, касающиеся защиты прав рабов. Подобная ситуация была характерна и для Британской Вест-Индии: на Ямайке попытки кодификации рабского права относятся только к 1780-м гг.; в испанских, португальских и французских колониях действовали рабские кодексы, которые, разумеется, не могли гарантировать должное отношение к рабам.

Мы не можем согласиться с мнением М. де Бира, что в Суринаме «ни один раб не был осужден без аргументированных доказательств» (Beer, 2010, p. 53-54]. Именно опасения несправедливого суда (показания рабов не имели юридической силы) побуждали негров к побегам в джунгли, где они рассчитывали на помощь маронов.

Плантаторам было разрешено наказывать рабов за мелкие нарушения (кража, негодная работа) собственноручно, за более тяжкие преступления (убийство) рабов доставляли в городской суд.

В. Хугберген полагает, что практически все рабы, представшие перед судом в Парамарибо, приговаривались к смертной казни за любое совершенное преступление (Hoogbergen, 1985). Несмотря на определенное преувеличение (из 146 изученных уголовных дел, смертная казнь была применена в 82 %), в целом можно говорить о серьезной репрессивной направленности колониальной судебной системы (Beer, 2010).

В общих чертах повседневная жизнь полевых рабов выглядела следующим образом. Работы на плантациях велись шесть дней в неделю, кроме воскресенья (в период сбора урожая рабочими объявлялись все дни). Рабочий день отличался в зависимости от профиля плантации. На сахарных плантациях в среднем рабы трудились по 10 часов в день, а в период сбора по 16-17 часов (аналогичным было положение в соседней Бразилии). На хлопковых и лесных плантациях рабочий день не превышал 8 часов. Рабская хижина представляло собой примитивное деревянное помещение без окон, покрытое пальмовыми листьями, где за незначительными исключениями проживало от 5 до 7 рабов (на одного человека приходилось не более 4, 5 кв. м личного жилого

пространства). Важно заметить, что имеющиеся данные говорят о том, что нуклеарная семья была редкостью для домохозяйств рабов: на 4-5 взрослых приходилось 1-2 ребенка.

Путь к жилищам рабов обычно более напоминал путь к логову животного, нежели к обители людей, представляя собой смесь из тяжелой глины и грязи. Современник так описывал типичный дом суринамского раба: «Пол земляной, без какого-либо покрытия [...] Здесь несколько сломанных стульев, разбитые стаканы и поврежденная посуда [...] На стенах имеются несколько ярких полотен» (Hoëvell, 1854, p. 143-144). Плантаторы вполне искренне полагали, что «грязные лачуги больше всего соответствуют самой природе рабов. Они чувствуют себя некомфортно в хороших жилищах, поэтому мы разрешаем им чувствовать себя в своей стихии!» В большинстве случаев не соблюдался закон 1851 г., согласно которому ответственность за состояние рабских хижин возлагалась на управляющих. Большинство болезней вызывались плохими санитарно-гигиеническими условиями, проказа и оспа периодически приводили к настоящему мору.

Известно также высокая смертность рабов в Нидерландской Гвиане: колонизаторы за 1668-1823 гг. привезли в Суринам 300 – 325 тыс. невольников, но в 1823 г. популяция рабов не превышала 50 тыс. Первое время крайне высокой была младенческая смертность. Э. Реклю пишет, что в XVIII в. в Гвиане большинство детей умирали в первые девять дней после рождения [Реклю, 1896, с. 41].

Впрочем, высокая смертность была характерна и для британской Вест-Индии: в перешедшей под контроль Лондона Демераре-Эссекибо в 1819-1821 гг. от столбняка умирало до половины родившихся у рабынь детей (Lean, 2002, p. 161). В Датской Вест-Индии смертность рабов регулярно превосходила рождаемость, за исключением короткого периода 1807-1815 гг. (Вольский, 2011, с. 169-170). В этой связи дискуссионным является мнение о том, что на суринамских плантациях заботились о больных лучше, чем в других регионах Вест-Индии.

Вместе с тем, отношение к рабам могло отличаться в зависимости как от конкретного владельца, так и от места: если в Бербисе невольники временами получали мясо, сало, крупы, то в соседних голландских колониях они фактически находились на подножном корме. Однако скудный рабский рацион был характерен для многих регионов Западного полушария. В Британской Вест-Индии в рационе рабов фактически отсутствовали мясо и молоко, в бразильской Бэйи рабы регулярно сталкивались с нехваткой муки.

Подавляющее численное превосходство рабов над белыми побуждало последних к установлению строгих мер и системы поощрений и наказаний, а также режима сегрегации. Так, Стедман пишет, что в Парамарибо с шести часов вечера «ни один негр любого пола не имеет права выйти на улицу или

пересечь реку без специального пропуска, подписанного его владельцем» (Stedmen, 1963, p. 113).

Серьезным наказанием для провинившихся был запрет на вечерние воскресные танцы. О том, какое значение они имели для Суринама, рассказывает П. Ж. Бенуа. Посетивший Суринам в 1830 г. художник был крайне впечатлен преобразованием веселящихся под звуки тамбурина невольников: «Сложно представить, что эти танцующие в хорошей одежде счастливые и веселые негры в другие дни недели заняты тяжелым трудом, где с ними обращаются как со скотом, в невыносимой жаре, под воздействием капризов их хозяев и жестокостью надзирателя» (Benoit, 1839, p. 23).

Рабам запрещалось не только ношение оружия (что было вполне естественно), но и обуви, чулок и драгоценностей. Колонизаторы крайне строго следили за соблюдением данных правил, внедряя их в рабское сознание. Когда в 1849 г. рабам на государственной плантации Катарина София предоставили право ношения обуви, управляющий был обеспокоен возможными волнениями рабов на других плантациях. До 1784 г. сексуальные контакты между белыми и неграми были законодательно запрещены, однако данная норма на практике никогда не исполнялась и была отменена.

В Нидерландской Гвиане, как и во многих других европейских колониях, наблюдалась серьезная гендерная диспропорция. Минимальное количество белых женщин побуждало мужчин к установлению половых отношений с рабынями, особенно домработницами: в 1800 г. в Парамарибо мулаты численно превосходили белых (Beer, 2010, p. 48).

Со временем разница между белыми и цветными практически нивелировалась при сохранении дихотомии свободный – раб. В то же время общепринято было, что более светлая кожа мулата, начиная с квартеронов, обеспечивала преимущества в социальном статусе.

Мы уже говорили, что существовала неписанный запрет на разлучение семей невольников, однако известны нередкие случаи нарушений. Только в 1782 г. запрет на отдельную продажу был установлен на законодательном уровне; его повторение в 1822 г. говорит о продолжавшихся нарушениях (однако и на Ямайке закон 1797 г., запрещавший данное деяние был повторен в 1809 г.).

В то же время на юге США практика отдельной продажи действовала вплоть до отмены рабства. В Бразилии закон, запрещавший продажу собственных незаконнорожденных детей, был принят лишь в 1875 г., всего за 13 лет до отмены рабства (Morner, 1967, p. 117). Наказания в виде кнута сопутствовали всему периоду рабства, вплоть до его отмены, что было характерно для британских (отмена рабства в 1834 г.), французских (1848 г.) и голландских колоний (1863 г.). Согласно неписанным нормам, запрещалось во время наказаний бить рабов по шее и голове. Во время наказаний, одинаково сильных для мужчин, женщин и детей, провинившиеся должны были кричать:

«Спасибо, масса!» Однако жесткость по отношению к рабам были свойственны всему Западному полушарию.

Исследователь О. Паттерсон на страницах «Социологии рабства» показывает, что варварское отношение к рабам было для Ямайки скорее нормой, нежели исключением (Patterson, 1967). Расизм и презрение к низшим расам были характерны и для полиэтничной католической Бразилии: бразильский историк Р. Помбу называл законным историческим процессом «просвещение» негров и индейцев со стороны европейцев (Rombo, 1956, p. 180). Краткий анализ варварского отношения к рабам в Ибероамерике дан И. Р. Григулевичем в его работе «Крест и меч» (Григулевич, 1977, с. 201-244).

В XIX в. распространявшиеся по Европе гуманистические и аболиционистские тенденции, обусловившие английский закон 1807 г. о запрете работорговли, привели к двойственным переменам в жизни рабов. С одной стороны, наблюдалось постепенное сокращение рабочего дня, улучшение медицинского обслуживания, запрет на использование на плантационных работах женщин, начиная с пятого месяца беременности (это решение объяснялось не столько человеколюбием плантаторов, сколько желанием продолжить род рабов в отсутствие регулярного притока новой рабочей силы). Эти перемены частично объясняют тот идеализированный мир Суринама, который нарисовал уже упоминавший П. Ж. Бенуа (Benoit, 1839).

С другой стороны, стремление британского флота перехватить рабовладельческие корабли в Атлантике привело к нехватке невольников. Ухудшились условия транспортировки: работорговцы применяли различные ухищрения, чтобы обмануть патрули и избежать перехватов британскими крейсерами. Плантаторы вынуждены были перейти к так называемой практике «разведения рабов».

Как справедливо заметил голландский социалист Р. ван Лиер, хотя в Суринаме «число гуманных рабовладельцев увеличилось в XIX в. под влиянием Просвещения и либерализма, ... ни одно из этих двух направлений не привело к каким-либо кардинальным изменениям в рабовладельческой колонии» (цит. по: Schorsch, 2004, p. 10). Таким образом, жестокость по отношению к рабам была свойственна не только голландской колониальной системе.

Заключение

Варварское отношение к рабам в Карибском бассейне обусловлено не столько большей степенью расизма по сравнению с Ибероамерикой (хотя протестанты изначально хуже относились к рабам, нежели католики:

«Бог не создает всех людей в одинаковом состоянии, но предназначает одних к вечной жизни, а других к вечному проклятию» (Кальвин, 1998, с. 381),

сколько спецификой сахарных плантаций, повсеместно, точно так же, как и рудники, отличавшихся гораздо большей степенью эксплуатации.

Прослеживающийся в современных в Нидерландах гораздо более негативный дискурс по отношению к колониальному прошлому и рабовладению, нежели в Испании и Португалии, объясняется в большей степени влиятельной карибской общиной. Со временем каждый рабовладельческий режим был склонен к некоторому смягчению, что подтверждается на примере Нидерландской Гвианы. Жестокость голландской рабовладельческой системы оказалась мифологизирована исследователями, что в последние десятилетия показали Г. Остинде и М. де Бир. М. де Бир справедливо пишет, что «интересы плантаторов были приоритетными везде, даже в тех колониях, где правительство пыталось, хотя и нерешительно, ограничить власть рабовладельцев. Во вводимых кодексах теоретически описывались права, как хозяина, так и раба, но на практике это законодательство оказалось фарсом» (Beer, 2010, p. 84). Участь рабов, в целом, была незавидной независимо от той страны, которая становилась его вторым домом, или вернее, тюрьмой.

Список литературы

- Baakman, E. (2018). Their power has been broken, the danger has passed». Dutch newspaper coverage of the Berbice slave revolt, 1763. *Early Modern Low Countries*, 2(1), 45–67. <https://doi.org/10.18352/emlc.61>
- Beer, M. (2010). *De wrede surinaamse planter in de achttiende. Feit of fictie? [The cruel Surinamese planter in the eighteenth. Fact or fiction?]*. Utrecht. (In Dutch).
- Benoit, P. J. (1839). *Voyage Surinam*. Societe des Beaux-Arts.
- Emmer, P. C., & Oostindie, G. (1991). Roosenburg en Mon Bijou. Twee Surinaamse plantages, 1720-1870 (Roosenburg and Mon Bijou. Two Surinamese Plantations, 1720-1870). *Bijdragen en mededelingen betreffende de geschiedenis der Nederlanden*, 1(106), 82-83. (In Dutch). <https://doi.org/10.18352/bmgn-lchr.3332>
- Groot de, V. (1963). *Van isolatie naar integratie. De Surinaamse Marrons en hun afstammelingen. Officiële documenten betreffende de Djoeka's (1845-1863) [From isolation to integration. The Surinamese Maroons and their descendants. Official documents concerning the Djukas (1845-1863)]*. Martinus Nijhoff. (In Dutch).
- Harris, A. (1928). *Introduction. A relation of a voyage to Guiana*. Hakluyt Society.
- Hartsinck, J. J. (1770). *Beschryving van Guiana, of de wilde kust, in Zuid-America (Description of Guiana, or the wild coast, in South America)*. Tielenburg. (In Dutch).
- Hoëvell van, W. R. (1854). *Slaven en vrijen onder de Nederlandsche wet [Slaves and freemen under Dutch law]*. Joh. Noman en Zoon. (In Dutch).
- Hoogbergen, W. S. M. (1985). *De Boni-oorlogen, 1757-1860: Marronage en guerrilla in Oost-Suriname (The Boni wars, 1757-1860: Marronage and guerrilla warfare in eastern Suriname)*. Centrum voor Caraïbische Studie. (In Dutch).

- Hyles, J. (2014). *Guiana and the Shadows of Empire*. Lexington Books.
- Johnston, H. (1910). *The Negro in the New world*. Methuen & co., ltd.
<https://doi.org/10.5479/sil.326935.39088000952812>
- Lean, J. H. (2002). *The Secret Lives of Slaves: Berbice, 1819 to 1827*. University of Canterbury/.
<http://doi.org/10.26021/4450>
- Linden, van der M. (2015). The Okanisi: A Surinamese Maroon Community. *International Review of Social History*, 60, 463–490. <https://doi.org/10.1017/S0020859015000383>
- Meiden, G. (1986). *Betwist bestuur: Een eeuw strijd om de macht in Suriname, 1651 – 1753*. Bataafsche leeuw.
- Morner, O. (1967). *Race mixture in the history of Latin America*. Little Brown & Company.
- Nystrom, W. (1942). *Surinam, geographic study*. The Netherlands information bureau.
- Patterson, O. (1967). *The Sociology of Slavery: An Analysis of the Origins, Development and Structure of Negro Slave Society in Jamaica*. Macgibbon.
- Postma, J. (1990). *The Dutch in the Atlantic Slave Trade, 1600–1815*. Cambridge University Press.
<https://doi.org/10.1017/CBO9780511528958>
- Rodway, J. (1912). *Guiana British, Dutch, and French*. T. Fisher Unwin.
- Schorsch, J. (2004). *Jews and Blacks in the Early Modern World*. Cambridge University Press.
- Stedman, J. G. (1798). *Voyages a Surinam et dans l'interieur de la Guiana*. Collection de planches. Buisson.
- Stedman, J. G. (1799). *Voyages a Surinam et dans l'interieur de la Guiana*. Buisson.
- Sutton, E. (2014). *Bittersweet: Sugar, Slavery, and Science in Dutch Suriname*. *Midwestern Arcadia: Essays in Honor of Alison Kettering*. Carleton College. <https://doi.org/10.18277/makf.2015.13>
- Tannenbaum, F. (1947). *Slave and Citizen. The Negro in the Americas*. Alfred A. Knopf.
- The journal of John Gabriel Stedman. 1744-1797*. (1962). Stanbury Thompson.
- Voort, J. P. (1973). *De Westindische plantages van 1720 tot 1795. Financien en handel*. Drukkerij de witte.
- Бен, А. (1796). *Похождение Ороноко, князя Африканского*. Императорская типография.
- Вольский, М. М. (2011). *Рабская обработка земли*. URSS.
- Вольтер. (2018). *Кандид, или Оптимизм*. Эксмо.
- Государственный архив Российской Федерации. (б. д.). Ф. 4459. Оп. 43.
- Григулевич, И. Р. (1977). *Крест и меч*. Наука.
- Кальвин, Ж. (1998). *Наставление в христианской вере: Т. 2. Кн. III*. РГГУ.
- Маркс, К., & Энгельс, Ф. (1961). *Маркс – Павлу Васильевичу Анненкову [письмо]*. Сочинения (Т. 27). Политиздат.
- Найпол, В. С. (2008). *Средний путь*. Европейское издание.
- Остинди, Г. (2016). Возвращенная история Нидерландов: Постколониальные миграции и новая правда о рабстве. *Новое литературное обозрение*, 6, 78–92.
- Реклю, Э. (1896). *Земля и люди: Т. XIX. Общественная польза*.

Созина, С. А. (1967). Суринам. Гвиана [сборник статей]. Наука.

Шегрен, Б. (1967). Острова среди ветров. Мысль.

References

- Austindi, G. (2016). The Return of Dutch History: Postcolonial Migrations and the New Truth about Slavery. *New Literary Review*, 6, 78–92. (In Russian).
- Baakman, E. (2018). Their power has been broken, the danger has passed». Dutch newspaper coverage of the Berbice slave revolt, 1763. *Early Modern Low Countries*, 2(1), 45–67. <https://doi.org/10.18352/emlc.61>
- Beer, M. (2010). *De wrede surinaamse planter in de achttiende. Feit of fictie? [The cruel Surinamese planter in the eighteenth. Fact or fiction?]*. Utrecht. (In Dutch).
- Ben, A. (1796). *The Adventures of Oronoko, Prince of Africa*. Imperial Printing House. (In Russian).
- Benoit, P. J. (1839). *Voyage Surinam*. Societe des Beaux-Arts.
- Calvin, J. (1998). *Instruction in the Christian Faith: Vol. 2, Book III*. RSUH. (In Russian).
- Emmer, P. C., & Oostindie, G. (1991). Roosenburg en Mon Bijou. Twee Surinaamse plantages, 1720–1870 (Roosenburg and Mon Bijou. Two Surinamese Plantations, 1720–1870). *Bijdragen en mededelingen betreffende de geschiedenis der Nederlanden*, 1(106), 82–83. (In Dutch). <https://doi.org/10.18352/bmgn-ichr.3332>
- Grigulevich, I. R. (1977). *Cross and Sword*. Nauka. (In Russian).
- Groot de, V. (1963). *Van isolatie naar integratie. De Surinaamse Marrons en hun afstammelingen. Officiële documenten betreffende de Djoeka's (1845–1863) [From isolation to integration. The Surinamese Maroons and their descendants. Official documents concerning the Djukas (1845–1863)]*. Martinus Nijhoff. (In Dutch).
- Harris, A. (1928). *Introduction. A relation of a voyage to Guiana*. Hakluyt Society.
- Hartsinck, J. J. (1770). *Beschryving van Guiana, of de wilde kust, in Zuid-America (Description of Guiana, or the wild coast, in South America)*. Tielenburg. (In Dutch).
- Hoëvell van, W. R. (1854). *Slaven en vrijen onder de Nederlandsche wet [Slaves and freemen under Dutch law]*. Joh. Noman en Zoon. (In Dutch).
- Hoogbergen, W. S. M. (1985). *De Boni-oorlogen, 1757–1860: Marronage en guerrilla in Oost-Suriname (The Boni wars, 1757–1860: Marronage and guerrilla warfare in eastern Suriname)*. Centrum voor Caraïbische Studie. (In Dutch).
- Hyles, J. (2014). *Guiana and the Shadows of Empire*. Lexington Books.
- Johnston, H. (1910). *The Negro in the New world*. Methuen & co., ltd. <https://doi.org/10.5479/sil.326935.39088000952812>
- Lean, J. H. (2002). *The Secret Lives of Slaves: Berbice, 1819 to 1827*. University of Canterbury. <http://doi.org/10.26021/4450>
- Linden, van der M. (2015). The Okanisi: A Surinamese Maroon Community. *International Review of Social History*, 60, 463–490. <https://doi.org/10.1017/S0020859015000383>

- Marx, K., & Engels, F. (1961). *Marx to Pavel Vasilievich Annenkov [letter]*. Essays (Vol. 27). Politizdat. (In Russian).
- Meiden, G. (1986). *Betwist bestuur: Een eeuw strijd om de macht in Suriname, 1651 – 1753*. Bataafsche leeuw.
- Morner, O. (1967). *Race mixture in the history of Latin America*. Little Brown & Company.
- Naipaul, V. S. (2008). *Middle way*. European edition. (In Russian).
- Nystrom, W. (1942). *Surinam, geographic study*. The Netherlands information bureau.
- Patterson, O. (1967). *The Sociology of Slavery: An Analysis of the Origins, Development and Structure of Negro Slave Society in Jamaica*. Macgibbon.
- Postma, J. (1990). *The Dutch in the Atlantic Slave Trade, 1600-1815*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511528958>
- Reclus, E. (1896). *Earth and People: Volume XIX*. Obshhestvennaja pol'za. (In Russian).
- Rodway, J. (1912). *Guiana British, Dutch, and French*. T. Fisher Unwin.
- Schorsch, J. (2004). *Jews and Blacks in the Early Modern World*. Cambridge University Press.
- Shegren, B. (1967). *Islands among the winds*. Mysl'. (In Russian).
- Sozina, S. A. (1967). *Suriname. Guiana [collection of articles]*. Nauka. (In Russian).
- State Archive of the Russian Federation. (n. d.). F. 4459. In. 43. (In Russian).
- Stedman, J. G. (1798). *Voyages a Surinam et dans l'interieur de la Guiana. Collection de planches*. Buisson.
- Stedman, J. G. (1799). *Voyages a Surinam et dans l'interieur de la Guiana*. Buisson.
- Sutton, E. (2014). *Bittersweet: Sugar, Slavery, and Science in Dutch Suriname. Midwestern Arcadia: Essays in Honor of Alison Kettering*. Carleton College. <https://doi.org/10.18277/makf.2015.13>
- Tannenbaum, F. (1947). *Slave and Citizen. The Negro in the Americas*. Alfred A. Knopf.
- The journal of John Gabriel Stedman. 1744-1797*. (1962). Stanbury Thompson.
- Volsky, M. M. (2011). *Slave land cultivation*. URSS. (In Russian).
- Volter. (2018). *Candide: or, The Optimist*. Eksmo. (In Russian).
- Voort, J. P. (1973). *De Westindische plantages van 1720 tot 1795. Financien en handel*. Drukkerij de witte.